

P2
Э 76

P.4
135667 Из фронтовой жизни

Илья ЭРЕНБУРГ

„НОВЫЙ ПОРЯДОК“ В КУРСКЕ

Всесоюзное Издательство
Гражданского Комиссариата Обороны
1943

Yux ~~101~~ 265

7/11/66

WT 141.04

WXT 281.685

2007 17/12

2007

976

84(2) = Руслан

2

ПРОШЛОЙ весной я прочёл в одной немецкой газете следующее рассуждение: «В Калуге или в Калинине мы пробыли считанные недели, и русские не могли по-настоящему увидеть, что такое новый порядок...» В Курске немцы пробыли пятнадцать месяцев. Здесь мы можем изучить достижения «нового порядка».

Курск при немцах. На тротуарах много офицеров, солдат. Воровато оглядываясь, шмыгают мадьяры — идут на базар спекулировать. По мостовой плетутся измощдённые женщины с салазками. Трамвай исчез: немцы сняли рельсы и отправили их в Германию.

Повсюду указательные таблицы на немецком языке:

«Солдатский дом 3»:

«Убежище для военнослужащих».

«Казино».

На стенах плацаты. Вот изображён немец с ребёнком на руках. Подпись: «Немецкий солдат — защитник детей». Женщина прошла и отвернулась: её четырёхлетнего мальчика искалечил пьяный фельдфебель.

Вот другой плакат: немецкий солдат показывает рукой на землю. Подпись поучительна: «Тебя ждёт земля». Это — пропаганда перед весенним

севом. Но курище вздыхали: не ждёт ли их могила?

На дверях некоторых домов значится: «Собственность германской армии. Русским вход воспрещён», или: «Гражданскому населению вход в этот дом воспрещается под страхом наказания смертной казнью».

Дощечки с названиями улиц — сверху по-немецки, снизу по-русски. Комендант Курска генерал-майор Марселл заявил: «Восстановить довоенные названия. Никакой политики». Самая большая улица в Курске Ленинская. Прежде она называлась Московской. Генерал-майор поморщился: «Московская? Это тоже политика». Повесили новую дощечку: «Гауптштрасе — Главная улица».

Комендант города Щигры, Курской области, майор Паулинг назвал лучшую улицу города Немецкой.

Немцы заполнили Курск. Здесь стоит дивизия. Здесь базы второй германской армии. Здесь кутят штабные офицеры генерал-лейтенанта фон Зальмута. Комендант решил, что в казармах немцам «неуютно и опасно». Офицеров и солдат разместили по домам. В каждой квартире немцы:

А вот и немки. Откуда они взялись? Майор привёз супругу из Гамбурга. Усмехаясь, он говорит: «Здесь спокойней...» (В начале февраля эта Гретхен спешно отбыла: она предпочла английские бомбёжки русскому наступлению).

Даже мёртвые немцы теснят русских. В городском парке Щигров зарыто четыре тысячи арийцев. Вместо аллей и скамеек бесконечные шеренги прусских крестов.

Ресторан для немцев. Кино для немцев. Театр для немцев. Магазин для немцев. Вокзал для немцев. Кладбище для немцев. Для русских? Ров в Щетинке — там зарывают расстрелянных.

* * *

До прихода немцев в Курске было сто сорок тысяч жителей. При немцах осталось девяносто тысяч. Около двух тысяч немцы убили, девять тысяч отправили в Германию. Свыше десяти тысяч умерли от эпидемий.

Пятнадцать месяцев куряне жили пещерной жизнью. Зимой было запрещено ходить по улицам после пяти часов пополудни, летом — после семи часов. Люди сидели в тёмных домах. А под окнами горланили пьяные немцы.

В комнате, где живёт заведующая хирургической больницей доктор Коровина, стены изрешечены пулями. Можно подумать, что здесь шёл бой. Нет, это развлекались немецкие офицеры. Выпив несколько бутылок французского шампанского, они стали стрелять в комнату, где спала Коровина с дочкой. Обер-лейтенант острил: «Мы приглашаем фрау доктор распить с нами бутылочку...».

«Только для немцев» — эти слова стояли повсюду. Написать письмо в Щигры? Почта только

для немцев. Послать телеграмму в Орёл? Телеграф только для немцев. Съездить в Белгород? Нужно для этого угодить немцу в комендатуре: он выдаёт пропуска. Счастливец будет допущен в товарный вагон: пассажирские только для немцев.

Генерал-майор Марселл любил показывать свою эрудицию. Он ссылался на старого итальянского автора Казанову: «Русские любят кнут». Русская бомба закончила земные труды генерал-майора Марселла. Новый комендант майор Флягг, когда к нему обращались с просьбой, неизменно отвечал: «Вы, кажется, забыли, что вы — русский?».

В учреждениях висели дощечки: «Пользоваться уборной русским запрещается». Очевидно, в этом сказалась мистика арийской расы...

* * *

Курян немцы убивали за городом — в Щетинке. Раздевали, потом расстреливали, кидали в ров. Убивали коммунистов и ён командиров, студенток пединститута и пленных красноармейцев, евреев и колхозниц. Убийствами ведали три конкурировавших учреждения: комендатура, гестапо и полевая жандармерия.

Двадцать пять заложников были убиты перед зданием мединститута. Их тела лежали на мостовой: немцы запретили родным похоронить расстрелянных.

Щигры — маленький город, но и в Щиграх палачи поработали. Когда был взорван мост, немцы расстреляли пятьдесят заложников. Зверски убили братьев Рusanовых. Весной на центральной площади повесили шесть девушек. Когда обречённых вели на казнь, они кричали: «Женщины, стыдно быть немецкими подстилками! Наши скоро вернутся. Мужайтесь!» Немцы стояли с фотоаппаратами и гоготали.

В селе Никольском я встретил учительнице Провалову. Её сына застрелил немец. Почему? Потому, что немцу захотелось выстрелить. В том же селе немцы убили колхозницу Воробьёву, мальчика Васю Паренева, старика Петра Фомина. Почему? Потому, что немцы наводили «новый порядок».

Немцы хотели изнасиловать Марусю Толмачёву. Девушка сопротивлялась. Её подвесили к дереву, потом убили. Убили тринадцатилетнего Колю Толмачёва, который вступился за сестру.

В Курске было четыреста евреев. Немцы их убили. Грудных детей ударяли головой о камень: экономили патроны. Среди убитых — крупные врачи, известные за пределами города, Гильман и Шендельс. Убивали младенцев и девяностолетних стариков. Уходя из города, немцы вспомнили, что в больнице для тифозных лежит девушка-студентка — еврейка. Палачи пришли в палату. Больная не могла встать, ослабев после болезни. Её убили здесь же. В Курске остался только один еврей — инженер Киссельман. Он

лежал в тифозной больнице. Его спасла русская сиделка — сказала немцам, что он умер.

В Фатеже вели на казнь еврейскую семью. Девочка кричала: «Убивают!» Убили сначала её. Потом положили мать на тело дочери. Убили. Скинули в яму отца и закопали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная торговля и товары». В Курске открылись три комиссионных магазина. Что в них можно было купить? Веер, щипцы для сыра, вазу, люстру, мороженицу.

В ларьках торговали «кустарными изделиями» — корзинами, деревянными пуговицами, эрзац-мылом, которое не мылилось. Вот и вся «частная торговля». Пятнадцать месяцев немцы вывозили из Курска и Курской области награбленное добро — хлеб, сало, шерсть. Они не ввезли в Курск ни одной иголочки, ни одного пёрышка.

Был базар. Немцы покупали у крестьян яйца, картошку, зелень. У немцев карманы были набиты оккупационными марками. Эти бумажки не имеют хождения в Германии. Их назначение — придать грабежу видимость торговли. Одна фальшивая марка по приказу германского командования равнялась десяти рублям.

Куряне уходили в деревни за пятьдесят, за сто километров — тащили пожитки и меняли их у крестьян на картошку. Приходилось давать

взятки немецким патрулям. Немцы брали всё: картошку и соль, наволочки и детские ботинки.

Комендант Курска открыл новый способ снабжения населения: немцы сдавали в аренду городскую землю. За каждый га нужно было внести немцам 140 рублей и 10 центнеров картофеля. Майор Флягг ухмылялся: «Земля вам, картошка нам». А куряне голодали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная инициатива и расцвет промышленности».

Генерал-майор Марсэлл вызвал одного из местных квислингов, инженера Томилю: «Извольте наладить производство. Открыть мельницы — нашей армии нужен хлеб. Мастерские могут ремонтировать наше снаряжение».

В газетке «Курские известия» было объявлено, что «трикотажная фабрика возобновила работу, желая облегчить положение курян». На фабрике принимались джемперы: за солидное вознаграждение их перевязывали. По два джемпера в день... Чем же была занята трикотажная фабрика? Она изготавливалась фуфайки для немецких солдат. Шерсть брали у русских крестьян. Работали русские женщины. Фуфайки носили немцы.

А частная промышленность? В Курске открылось несколько предприятий. Вот, например, курский филиал берлинской фирмы «Адольф Филипс». Во главе стоял немец Адлер. Он на-

брал 25 русских рабочих. Адлер забирал на бойне кожи. Немцы ели котлеты. А выделанная курскими рабочими кожа направлялась в Берлин фирме «Адольф Филипс».

Другой немец открыл валяльное производство, обслуживающее германскую армию. Фабриканты приехали с семьями. Жили припеваючи. В начале февраля они неожиданно помрачнели, стали говорить, что скучают по родине, и, собрав пожитки, уехали.

В селе Волово немец открыл колбасную фабрику. Он привёз из Германии оборудование. Свиней забирали у крестьян. Работали на фабрике голодные русские женщины. Колбасу отсылали в Германию. За исчезновение одной колбасы герр колбасник высек женщину.

* * *

В русском селе Замарайке успел обосноваться немецкий помещик. Он нанял батраков, выписал из Германии молотилку.

В селе Папино немцы снесли школу и больницу. Из строительного материала крестьяне должны были строить дома для немцев. Колонизаторы устраивались надолго. Они считали, какие доходы у них будут в 1944 году. Они не забывали даже о полушках. Забыли они об одном: о Красной Армии.

В первые месяцы немцы грабили деревню беспорядочно: солдаты забирали коров, свиней, кур. Потом командование ввело «новый порядок»

док»: грабить стали организованно. С каждой коровы нужно было поставлять немцам 720 литров молока, с каждой курицы — 190 яиц. Крестьяне говорили: «Зимой курица несётся, что ли?..» За такие размышления староста сажал в холодную избу.

Крестьяне работали «общиной» — немцам было удобней стричь стадо оптом. В некоторых сёлах не осталось ни одной лошади. Немцы приказывали: «Поделите землю по дворам, и пусть каждый двор сдаст урожай, как полагается». Женщины тащили плуги. Староста покрикивал: «Живее — нужно государству сдать, что полагается». «Государством» этот бестия именовал немцев.

В Курске находилось «викадо» — специальное учреждение для ограбления крестьян. Викадо требовало. Комендант грозился. Старосты раздели. Крестьяне снова узнали крепостное право. Им оставляли по несколько снопов на душу — как коменданту вздумается. Остальное забирали немцы.

Немцы хотели во что бы то ни стало доказать, что «новый порядок» — это рай для крестьян. Они объявляли, что такое-то село «поддерживало партизан», забирали в селе всех коров, потом «дарили» соседнему селу пять коров и об этом писали в газетках: «Мы снабжаем скотом русские деревни». В Курске немцы «дарили» русским русские дома. В сёлах немцы «дарили»

русским русских коров и заставляли крестьян посыпать «благодарственные адреса» коменданту.

Старик в селе Никольском рассказывает: «Мне восьмой десяток пошёл. А они меня заставили плести валенки из соломы. Приезжал из Щигров подлец — объяснял ещё, как плести. По двенадцати пар с обчины. Вот такое дермо делать — тьфу!..»

Колхозница из села Успенки говорит: «Культур! Культур! Скажите, пожалуйста! А какая же эта культура, когда они всё позабирали? Платком моим и то не побрезговали. Лохмотники проклятые!»

В большом селе Вышне-Долгов немцы устроили хлебный и мясной заводы, обслуживавшие германскую армию. Согнали женщин. Забрали муку, скот. Староста был пьяницей. Был крестьянин. Когда к селу подходила Красная Армия, староста выпил бутылку горькой, запряг коня и, стоя в розвальнях, понёсся сквозь буран, восклицая: «Я — второй Гитлер».

В некоторых сёлах избы сожжены. За что? Вот село Мишино. Один колхозник дал русскому военнопленному ломоть хлеба. Комендант приказал сжечь пять изб. «Новый порядок!»

* * *

«Мы принесли вам светоч культуры», — заявил генерал-майор Марселл. В течение года все школы были закрыты. Наконец-то немцы разрешили открыть несколько эрзац-школ в пределах

четырёх начальных классов — майор Флягг сказал: «С русских хватит и этого».

В Курске родители попытались устроить групповые занятия для детей, но комендатура запретила занятия, объявив их «незаконными сбороищами».

Из библиотек изъяли почти все книги. Достаточно указать, что к запрещённым книгам были отнесены «Гаврош» Гюго и популярное изложение теории Дарвина.

В театре выступали шансонетки — для немцев. В один из кинотеатров русские имели право доступа. Там показывали фильмы, посвящённые прославлению Гитлера.

Такова была культурная жизнь города, прежде имевшего несколько высших учебных заведений, прекрасный театр, два музея, богатые библиотеки.

Что принёс «новый порядок» русской интеллигенции? Бухгалтер завода «Коминтерн», вместе с другими жителями Воронежа насилино эвакуированный в Курскую область, рассказывает: «В комендатуру при мне вызвали преподавателя университета. Дежурный офицер спросил его:

— Профессия?

— Астроном.

Немец рассмеялся.

— Вот как! Что же, будете чистить нужники. Правда, звёзды и уборные — различные вещи, но ничего другого я вам не могу предложить.

Учительница Щигров Александра Алексеевна Козуб была направлена на земляные работы.

К ней подходит офицер:

- Почему плохо работаешь?
- Не привыкла. Кирки в руке не держала.
- Что ж ты делала?
- Я была учительницей.
- Удивительно! Где же тебя научили этому?
- Я училась в Воронежском пединституте.
- А я в Иене на философском факультете.

Небось у вас философию не изучали?

- Изучали.
- Канта и Гегеля?
- Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса.
- Ну, Маркс и Энгельс — это евреи. А вот интересно, хорошо ли ты усвоила схоластику?
- Девушке стало тошно. Она угрюмо ответила:
- У меня диалектика...

Тогда изысканный офицер ударил её с размаху по обеим щекам. Так закончился философский разговор в Щиграх. Мне рассказывала о нём честная советская учительница Козуб, которая предпочла кирку измене и правду немецкому «философу».

* * *

Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнёс речь: «Мы несём веселье в ледяную пустыню».

Они не принесли веселья. Они принесли разуз. Передвойной в Курске совершенно исчез

сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике, среди гражданского населения регистрировались в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили. Эти сифилитичные павианы оставили после себя не только развалины и ров в Щетинке. Они оставили страшную заразу.

* * *

Помимо венерических болезней, немцы привнесли эпидемию дифтерита. Прививок не было, и смертность среди детей от дифтерита дошла до 60%. На почве голода, скученности, грязи рос сыпняк. Я видел одного из предателей, врача Кононова, члена «городской управы». Он должен был, якобы, заботиться о здоровье населения. Он заботился об одном: как угодить своему начальнику, немецкому врачу Керну. До немцев Кононов пил русскую горькую. После прихода немцев он стал пить шнапс. Он говорит: «Доктор Керн был культурным немцем, хорошим врачом, отзывчивым человеком» — хозяева убежали, но лакей по привычке ещё кланяется. Я спрашиваю Кононова:

— Что же вы лично сделали для жителей?

— Много. Доктор Керн мне говорил: «Зачем вы так возитесь с гражданским населением?..»

Вот он, «культурный немец» и « отзывчивый человек».

Больных не лечили. На дверях вывешивали по-немецки: «Здесь заразные. Вход военнослужащим воспрещается». Немцы хотели заражать, но не заражаться.

* * *

Военнопленные умирали на глазах у населения. Повсюду немцы расклеили плакаты: «Сдайте тёплую зимнюю одежду для русских военнопленных вашему старосте». (Старосты были и в городах — на каждой улице.) Старосты сдавали тёплую одежду коменданту. Комендант распределял её между немецкими солдатами.

Страшное зрелище представляли собой лагеря: морозные грязные бараки. Надписи: «для русских», «для украинцев», «для тюркских народов», «для тифозных». Кормили жижей — картофельная кожура. Били. Заставляли рыть укрепления. Русские глядели на агонию русских и не могли им помочь. Это было моральной пыткой.

* * *

Слова молитвы «О победе христолюбивого воинства» немцы приказали заменить: «О победе германской армии». Одна старушка осмелилась сказать: «Не могу я молиться за победу немцев — у меня три сына в Красной Армии». Строптивую высекли.

В одном селе Курской области немцы устроили молебен за здравие Гитлера. На паперти Мария Дементьевна Краскова громко сказала: «Мы,

люди русские, молимся за победу наших». Её подвергли порке, потом заперли в холодный амбар. Она стояла в амбаре и молилась за победу Красной Армии.

* * *

В Курске немцы нашли несколько квислингов. Бургомистром был назначен некто Смялковский, воспитанник духовной семинарии Киева. Он получил от немцев дом, блок-ноты с фирмой «Бургомистр города Курска» и даже автомобиль. Он оставил дом и блок-ноты и на машине уехал в Льгов.

Городская управа заседала раз в месяц под портретом Гитлера. Тирольский шпик был изображён в красках с подписью «Адольф Гитлер освободитель». В присутствии немцев члены городской управы стояли.

Заместитель бургомистра инженер Алексей Кепов. Он был когда-то жизнерадостным. Немцы его награждали, баловали. Но Кепов не радовался. С каждым днём он становился всё мрачнее. Он сидел у себя и ровным почерком выписывал имена «неблагонадёжных»: он выдавал немцам русских. Потом он с изумлением глядел на свою руку. Он стал избегать зеркала. Даже мёд, реквизированный у крестьян, казался ему горьким. Над Курском пролетел наш самолёт. Немецкий офицер спросил Кепова: «Это что за птичка?» Кепов ответил: «Русский». Потом показался «Мессершмитт», и Кепов добавил:

вил: «А это наш». Тогда немец загоготал: «Врёте! Этот не ваш и тот не ваш». Кепов вобрал голову в плечи: ещё раз он почувствовал цену измены. Почему он не удрал вместе с немцами? Кепов объясняет: «Не хотел ставить на битую карту. Решил сыграть ва-банк». У него мирные картёжные термины и угодливые глаза. Но месяц назад он ещё выдавал немцам русских. Я спрашиваю его, что он чувствовал, когда Красная Армия подходила к Курску? Предатель глядит на меня пустыми, тусклыми глазами и отвечает: «Не скрою — животный страх». Он бормочет: «Немцы меня обманули...» В чём? Может быть, господин заместитель бургомистра обижен на высокомерие герра Бурхардта? Может быть, герр Кепов считает, что немцы должны были ему дать автомобиль? Но немцы бросили в Курске до тысячи груженых вагонов. Им было не до лакеев. Они выкинули предателей, как выжатые лимоны.

* * *

Немцы закрыли все учебные заведения. Но в Щиграх они открыли «курсы для полицейских». Они учили стрелять, арестовывать, реквизировать, вешать. Передо мной своеобразный документ — послание курсантов третьего выпуска коменданту Паулингу: «В полном сознании громадной ответственности за выполнение возложенных на нас обязанностей мы говорим вам, господин комендант, спасибо...»

Передо мной и автор этого послания некто Колосков. Он прикидывается ребёнком, твердит о своей «безмозглости». В его глазах злоба и страх. «Победоносная германская армия», убегая, оставила Колоскова. Курсантов учили пытать и расстреливать русских. Летать их не научили. Напрасно они попытались бежать по сугробам...

Тихо в комнате. Тихо и душно. Тёмная животная тоска идёт от согнутой спины изменника. Нет ничего страшнее предательства: оно убивает человека до смерти. Передо мной живой труп, тряпичная кукла, грошовый паяц. Я говорю: «Вы понимаете, что вы предали Россию?» Он шевелит губами: «Да».

* * *

Я сидел в одном доме. Меня удивили глаза хозяйки: они казались сделанными из опалового стекла, в них не было жизни. Хозяйка неохотно ствекала на мои вопросы, а спрашивал я её только, чтобы разрядить чересчур тяжёлую тишину. В углу играл пятилетний мальчуган. Я спросил хозяйку: «Немцы к вам приходили?» Она ответила: «Нет». Я сказал: «Вам повезло». Но тогда мальчик закричал: «Отто приходил», и упрямо стучал кулаком по стулу, он долго повторял: «Отто приходил». Женщина молча вышла из комнаты. Я больше не мог сидеть в этом

доме. Мне показалось, что в комнате нет воздуха. Я выбежал на улицу. Был морозный яркий день. Сотни женщин жмурились и улыбались первому красному флагу на фасаде повреждённого снарядом дома. Мир жил и радовался. Только высокая белокурая женщина с пустыми опаловыми глазами не находила себе места в этом мире.

* * *

Двадцать тысяч юношей и девушек немцы вывезли из Курской области в Германию. Девять тысяч они вывезли из Курска. Что сулил «новый порядок» этим злосчастным?

Илья Урютов был рабочим на металлургическом заводе. Весной его отправили в Германию, в Брауншвейг. Там его вместе с 800 другими русскими поместили в лагерь. Рабы работали на заводе, или в лагере. В день давали по 200 граммов хлеба и литр баланды. Охраняли лагерь эсэсовцы. За малейшую «проприенность» они избивали русских. Многих покалечили. Из 800 за пять месяцев 250 умерли — от голода, от болезней, от побоев. Урютов заболел эпилепсией — ему повезло: его отправили домой. Молодой человек, он стал дряхлым стариком.

Уборщица Пенькова спасла своего сына: напоила его перед медицинским осмотром табачным настоем. Но дочь Пеньковой семнадцатилетнюю Тамару немцы взяли. Она рассказывает: «Везли нас, конечно, в телятниках под охраной.

Привезли в город Линц, в Австрию. Там приходят немцы и немки — осматривают, ощупывают, как скот. Там было две тысячи девчат и парней. За невыполнение нормы — по сто двадцать розг. А кормили так — бурда на репе и всё. Я, конечно, комсомолка, и мне эта жизнь не подходит. Не могу я их эсэсовцам кланяться. Со мной двоюродная сестра была. Я говорю: «Убежим». Подобрали компанию. Четыре девушки и трое парней. Мы шли до Бреста восемнадцать суток. Пока по немецкой земле шли, обходили деревни. А поляки нас кормили, как могли. В Бресте мы отдали все вещи, даже валенки, одному немцу. Он нам пропуск в Курск дал...»

Немногим повезло, как весёлой и см. лой Тамаре. Другие ещё томятся в немецком рабстве. Мы знаем теперь, что такое «новый порядок». Он существовал много тысяч лет тому назад. Тогда его называли «торговлей рабами».

* * *

Упорно и мужественно куряне ждали пятнадцать месяцев дня освобождения. Немцы издавали две газетки. Они старались убедить курян в немецкой победе. Но иногда с неба падали листовки. Их подбирали дети, несли домой, и вот город обходила радостная весть: «наши держатся», «немцев отогнали от Москвы», « заводы работают на Урале...» У штабных офицеров были приёмники. Уходя из дома, немцы выключали ап-

параты. Но русские научились их включать. Слушали Москву, и снова надежда раздувала сердца.

С декабря немцы приуныли. За их лицами следили тысячи глаз: уныние немцев было надеждой курил. В сентябре, в октябре, в ноябре герр обер-лейтенант каждый день говорил пятнадцатилетней Варе: «Сталинград капут». В декабре он примолк. В январе Варя стала пытать офицера: «Ну, как Стalingрад? Капут?» Офицер молчал. Однажды вместо ответа он отпустил девочке пощечину. Варя рассказывает: «Господи, как я обрадовалась! Побежала к маме, говорю: кончено их дело. Капут немцам. Видишь, как он мне залепил? Значит, у них со Стalingрадом ничего не вышло...»

Тяжела жизнь в рабстве, но даже там, за тридевять земель от родины, отданные во власть рабовладельцев русские сохраняют бодрость духа. Передо мной — письма двух курских девушек, осторожности наперекор посланные из Германии.

«15 января 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мои родные, миленькая мамочка, Ниночка, Миша и детишки Галочка и Надюша! Сегодня для нас с Таней счастливый день — получили от вас письма. Сегодня утром я стирала бельё и так устала — очень много было белья, но Таня прибежала и принесла письмо, и сразу прошла вся усталость.

Дорогие мои родные, когда же это кончится? Как тяжело переносить издевательства! Милая мамочка, если бы вы знали, как тяжело! Но мы с Таней всё переносим, и если перенесём, это наше счастье.

Сейчас здесь холодная зима, но на нас не обращают внимания, хоть ты ходи раздетая — им дела нет. Сволочи, сидят в тёплой комнате, ничего не работают, только приказывают — сделай то и то, и приходится делать. Будь это у нас, я бы им плонула в рожу, а здесь молчи и делай, что скажут.

Дорогая Ниночка, ты спрашиваешь, что за люди мои хозяева. Да если бы они были люди, они не люди, сидят, не работают, и по десяти пар чулок на ногах. А до того, как ты мне прислала мои старые гетры, я ходила на босую ногу. Они это видели и только смеялись. Ниночка, ты себе не можешь представить, что со мной было, когда я получила посылку. Слёзы полились от радости. А мои гетры, когда я надела, показались мне теплее их десяти чулок, потому что это мои гетры, из моей родины, где я свободно жила, хотя и не так богато, как мои проклятые хозяева, но жила, как хотела. Ну, что же, дорогая сестра, мы им всё вспомним, как кончится война. Ниночка, если можно будет, пошли мне мою чёрную юбку, которая сшита клёшем, а то мое платье уже рвётся. Этим зверям все равно. Я здесь работаю во дворе, с утра до поздней ночи в их г.... то у коров, то у

свиней. Так и проходит жизнь. Ниночка, я этих идиотов готова разорвать на куски за все их зверские поступки. Здесь есть русские, их хозяева бьют чуть ли не каждый день. А нас с Таней пусть только попробуют. Сегодня Танина хозяйка кинулась на Таню, но Танька ей показала так, что она отлетела на два метра, Таня ей закричала: «Уйди, косая!». Не знаю, что с ней теперь будет.

Здесь такие люди, они хотят, чтобы мы ходили голые, босые и хорошо на них работали. Нам очень трудно, но придёт день, и не нас тогда будут карать, а их за все их проделки. Ниночка, письма мы с Таней пишем часто, а почему не доходят, не знаю. Вас интересует, как нас кормят. Кормят так — лишь бы до весны не умерли, а сами едят, что хотят.

Ниночка, ты не написала, как у вас. Нам всё интересно знать. Здесь новостей никаких, кроме работы. Интересно узнать о фронте, как наши воюют? Ведь мы здесь ничего не знаем.

Желаю вам быть здоровыми. Мамочка, не беспокойся, я набралась смелости и вернусь домой. До свидания. Целую вас всех крепко.

Клава»

«15 января 1943 г.

Здравствуйте, дорогие мамочка и дядя Шура! Такой радости, как получить ваше письмо, вы не можете себе представить. Я думала, что вас нет в живых или что вы на другой стороне

фронта около своих братьев, а этого я бы очень хотела.

Мамочка, мы здесь живём оторванные от мира, ничего не знаем, ничего не слышим. Хотя бы вы что-нибудь написали — хочется знать, когда нас освободят от этой кабалы.

Мамочка, вы пишете, что послали маленькую посылку. Но я не получила. Мамочка милая, не нужно мне посыпать, я знаю, что вам самим нечего кушать и носить, а я на все махнула рукой, хожу разутая, раздетая, голодная, ладно, лишь бы добраться домой.

Мамочка и дядя Шура, вы не сможете понять нашу жизнь, если бы увидели, поняли. Тяжело быть в угнетении, но вы не подумайте, что я изменилась, нет, я не могу покоряться этим негодиям. Здесь, как не подчинишься, вызывают в полицию. В общем, мамочка, я не могу писать, когда приеду, все расскажу, что мы с Клавкой выделявали, несмотря на полицию. А пока до свидания, дорогие. Прошу вас, мамочка, живите дружно с дядей Шурой и ждите Таньку.

Ваша Таня».

Я читаю и перечитываю эти наивные полудетские письма. Какая сила духа! Две девушки, почти девочки, попали в неволю. Ими помыкают злые немки. Но девушки не сдаются. Что их подкрепляет? Верность. Прекрасные слёзы пролила втихомолку Клава над старыми гетрами, присланными из родного Курска. Она вспомнила

обрыв над Тускарем, сады, смех, песни. Она вспомнила родину, Россию. Она спрашивает сестру: «Как наши воюют?» Она не изменник Кепов, она — русская в немецком рабстве, и она не спутает местоимений. Она твёрдо знает, кто «наши». В немецкой деревне она думает о великом пути Красной Армии. И её подруга Таня верит, что Красная Армия скоро освободит мать и дядю Шуру.

Родные двух девушек уже вздохнули свободно: они дождались желанного часа. Придёт день, и две русские девушки Клава и Таня обнимут своих освободителей.

Ксле Горяинову одиннадцать лет. Немцы, выпив, сказали мальчику: «Говори «хайль Гитлер». Коля молчал. «Ну, змеёныш?..» Тогда Коля ответил: «Я — советский. Я таких слов не буду говорить». Его били ремнём, а он молчал.

Куряне не только ждали. Куряне боролись с захватчиками. Железнодорожники взрывали немецкие паровозы. Девушки переправляли оружие. Партизаны убивали немцев.

Вот рабочий Бабкин. Он был во главе отряда. Мягкое русское лицо. А этот добряк отравил немцам немало крови. Он подготовлял взрывы на вокзале, отвозил в Фатеж оружие, помогал пленным перейти линию фронта. Он рассказывает: «Везу я оружие. Вдруг немец. Я, конечно, соли прихватил — будто еду менять. Бумажка у меня с печатью, сам чорт не разберёт. Но немцу что печать, он на соль уставился: «Дай». Я

ему бы рад всю отдать, нельзя — заподозрит. Торговался — на тебе стакан. Обошлось. А вот вы нашего попа навестите, замечательный поп...»

Священнику Павлу Говорову шестьдесят семь лет. Русский человек, он любит родину. Он был связан с партизанами. Он прятал у себя наших лётчиков, переодевал их, помогал им перебраться через фронт.

Комсомолка Зоя Емельянова — студентка пед-института. Это серьёзная, смелая женщина. Её муж — командир Красной Армии. Когда немцы вошли в Курск, у Зои родился ребёнок. Но это не помешало ей войти в партизанский отряд. Она доставляла партизанам оружие. Она говорит: «Я знала, что наши вернутся. Твёрдо знала, как то, что я — я». Большая сила в её глазах. Это сила верности.

Доктор Коровина — немолодая женщина. Беспартийная. Она работала в хирургической больнице. Там лежали раненые русские — командиры и бойцы. Коровина разговаривала с ними, проверяла их душевное состояние, потом спрашивала: «К нашим хотите?» Она помогала уйти из под стражи. Каждый день рисковала жизнью, но знала: помогаю братьям обрести свободу. Это сознание её поддерживало в самые горькие минуты. Сейчас она радуется, как ребёнок: «Наши в Курске!» Значит, не напрасно она ждала. Не напрасно связалась с партизанами.

Когда мы говорим о слезах радости, с которыми встречает Красную Армию население осво-

бождённых городов, это может показаться формулой. Но доктор Коровина плакала от радости. И Бабкин. И старый священник Говоров. И комсомолка Зоя. И тысячи, тысячи людей. Эти слёзы, как жемчуг: они красят. Кто пережил такие часы, поймёт всё без слов.

* * *

Немцы, уходя из Курска, сожгли или взорвали все большие дома. Прекрасные здания мединститута и пединститута, собор, гордость города — новый цирк, дом обкома — бывшее дворянское собрание, все школы города, все многоэтажные жилые дома, театр, — всё это уничтожено немцами.

Даже в Щиграх не осталось ни одного большого дома: немцы, отступая, сожгли всё. В деревне Тимирязевка была новая хорошая школа. Немцы устроили там лазарет. В школе лежали раненые немцы — восемнадцать человек. Убегая, немцы взорвали школу со своими ранеными. Они верны себе до последней минуты.

Они начали убираться из Курска заблаговременно — после разгрома у Касторного. Уехали немецкие дамы из «Казино», которые были по щекам русских уборщиц. Уехали господа промышленники. Уехали штабные офицеры. Но Красная Армия подошла к леску, где находились немецкие укрепления, раньше, чем рассчитывали немцы. Дома они сожгли, но на вокзале они оставили девятнадцать паровозов и около тыся-

чи вагонов с добром. Они подвесили к мосту авиабомбы, а взорвать мост не успели.

В домах были спрятаны немецкие автоматчики. Шли уличные бои. Погиб любимец бойцов полковник Перекальский — он шёл в боевых порядках. Наконец, город был очищен от врага. Торжественно куряне похоронили полковника Перекальского — в сквере перед театром. Был митинг. Генерал-лейтенант Черняховский сказал: «Куряне, ваш прекрасный город немцы осквернили. Теперь Курск снова стал советским...» И лились слёзы радости. Курск возрождался к жизни.

Древний русский город, он сиял в одиннадцатом веке. Во время нашествия Батыя Курск был предан огню и мечу. Двести лет спустя он снова отстроился. Он был русской крепостью, оплотом против набегов южных кочевников. Потом он стал мирным и тихим городом, с большими тенистыми садами, с молодёжью, которая училась, мечтала, росла в его садах. И вот Курск снова подвергся нашествию варваров. Пепел, щебень, мусор, железный лом, скелет города — вот что принёс курянам «новый порядок».

А жизнь начинается. Уже вышел крохотный номер «Курской правды» — в полевой типографии. Городскую типографию немцы взорвали. Уже восстановлена работа электростанции. Уже пекут хлеб в пекарнях. А на могиле героев — цветы среди снега...

Части Красной Армии прошли на запад. Но люди не забудут трагедии Курска. Теперь каждый боец знает, что такое немецкая оккупация. В Можайске, в Ельце, в Калинине были кратковременные налёты. Здесь было долгое рабство — почти пятьсот дней немецкой неволи. Здесь немцы успели насадить «новый порядок». Здесь они убивали с расстановкой. Здесь они заражали планомерно. Здесь они издевались по плану — по декадам, по месяцам, по семестрам. Мы жадно смотрим на запад. Мы знаем теперь, что творится в Гомеле, в Брянске, в Киеве. Мы всё знаем. В ком есть толика любви к своей стране, к своему народу, до смерти не простит немцам Курска. Нет с ними у нас жизни. Нет нам жизни, пока мы их не уничтожим. Мы соберём все документы, все фотографии, все рассказы очевидцев. Мы устроим страшный музей «нового порядка» — память о злобных дикарях двадцатого века. Пусть помнят люди и пусть помнят народы: это было.

Мы идём судить преступников. И последнему из них мы напомним: это тебе за «новый порядок».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присыпать отзывы
на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер., 3,
Воениздат

Редактор Рамм Е. Р.

Г110238. Подп. к печ. 12.3.43 Объем 1 п. л., 0,8 уч.-авт. л. Зак. 237.

1-я типография Управления Воениздата НКО
имени С. К. Тимошенко

Документ Цена
Цена 15 коп. 50 коп

